

Сергей Бочков

ЕГО ВЕТЕРАН

Сергей Владимирович Бочков

Его ветеран

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69348121

SelfPub; 2023

Аннотация

В рассказе описывается осмысление внуком событий из жизни его деда-ветерана.

Сергей Бочков

Его ветеран

Яркие разноцветные вспышки, рвущихся в вышине зарядов, разлетаются по непроглядной чёрноте неба несчётным количеством искрящихся линий, озаряя завораживающим светом тёмную монотонность ночи. Глухо содрогается сдавленный разрывами воздух, заставляя дребезжать оконные стёкла. Множество ликующих голосов громко вторят каждому новому залпу, наполняя округу всеобщим безудержно-радостным чувством восторга и восхищения свершающимся сейчас действием, – салютом. Этим кульминационным ритуалом, самого значимого праздника весны – Дня нашей Победы в той Великой, и по-настоящему, Отечественной войне... Уже много лет, – перестав быть очередным числом в календаре, – девятое мая, начинаясь утром под торжественный шаг парадов на площадях, звучит весь день по паркам и скверам задушевыми песнями прежних времён. И обязательно, когда поздним вечером в каждом доме светятся колоритом военных фильмов экраны телевизоров, традиционно завершается салютом.

Таким этот праздник знают уже несколько поколений. Таким, ещё с детства, запомнился он и Артёму. Запомнился с чувством гордости и почтения к величию той даты. Ничего необычного или особенного в этом нет («так и должно

быть» – скажет любой здравомыслящий человек), за исключением того, что наряду с общей гордостью имелась у него ещё и своя, личная – в лице деда-фронтовика. Ни одну семью нашей Родины не обошли стороной события тех грозных лет, в каждой памятни свои герои... были. Да, именно так – были. Как-никак сколько времени уж прошло. В поколении Артёма лишь единицы застали в живых кого-либо из своих предков, принимавших участие в той войне. Большинство дедушек и бабушек его сверстников были тогда ещё совсем детьми, а уж об их родителях мало каких сведений сохранилось. Вот и получается: знают Артёмовы друзья в лучшем случае, лишь сам факт, что воевал их тот или иной предок, а чуть больше, ну например: в каких войсках или на каком фронте – это уж им неизвестно.

Артёму же в этом смысле, – как он сам считал, – повезло. Своего ветерана он застал ещё живым. И пусть тот не шибко охотно отвечал на расспросы внука про войну, но Артёмова память сохранила, насытив краской детского воображения, дедовы рассказы: о больших реках и малых речушках, через которые доводилось возводить переправы... о коварстве минных полей на сырых равнинах Прибалтики... о причудливых замках и мощных фортах Восточной Пруссии... и о залежах диковинного янтаря во влажном песке холодного побережья Балтийского моря, на котором ему довелось встретить Победу...

Эти рассказы не изобиловали подробностями о сражени-

ях и битвах, в которых участвовал дед, но бесспорным доказательством его боевого прошлого служили полученные им награды. Многим будет понятно то ребяческое чувство трепетного восхищения, которое испытывал Артём беря в руки дедовы медали: весомые, безупречно правильной формы, с рельефно выступающими надписями и изображениями, подвешенные на широкие пятиугольные колодки обтянутые, разнящимися одна от другой, лентами. Особое внимание среди них, – в основном латунных, – привлекала серебряная медаль, отличная от остальных своим более крупным размером. На лицевой стороне её, уже покрывшейся солидным насыщенно чёрным налётом времени, между парящим вверху строем самолётов и грозно надвигающейся громадой танка внизу, тускло отсвечивала алой эмалью надпись, – лаконично определяющая статус награды, – «ЗА ОТВАГУ». Ещё был орден, сверкающий рубиново-красным глянецом острых лучей пятиконечной звезды на фоне золоченого штрала перекрещенного по диагоналям винтовкой и шашкой, в центре которого на белом обрамлении, окаймляющим по кругу изображение серпа и молота, прямыми заглавными буквами указывалось его название: «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА».

Сохранились так же и документы к наградам... а вместе с ними фотография – единственный фронтовой снимок дедушки. Светло и легко улыбалось с небольшой пожелтевшей фотокарточки его, непривычно молодое, но всё равно узнаваемое, по-деревенски простоватое, лицо. Сдвинутая слегка на-

бок фуражка, с отчётливым силуэтом красноармейской звёздочки на околыше, придавала его облику заливчатый, бравый вид. Белая линия подворотничка аккуратно окантовывала застёгнутый на все пуговицы стоячий воротник гимнастерки, перетянутой в поясе широким ремнём с пряжкой в виде вытянутой по вертикали звезды помещённой в прямоугольную рамку. На тёмном поле погон, ниже пары светлых полос лычек в каждом, просматривалась эмблема инженерных войск – два скрещённых топорика. А над клапанами нагрудных карманов с разных сторон расположились, слегка оттягивающий вниз гимнастёрку, ряд медалей слева и три горизонтальные нашивки, полученные за ранения – справа. Которые потемней, обозначали лёгкие ранения, а другая, посветлей, – тяжёлое: знал Артём.

Знал и то, что дед, уйдя на войну в свои неполные восемнадцать лет, когда наши войска осенью сорок третьего года освободили его родную деревню, служил сапёром-разведчиком в инженерно-разведывательной роте штурмовой инженерно-сапёрной бригады, в составе которой, начав свой боевой путь под Витебском, дошёл до Кенигсберга.

Может и не в том объёме, в каком хотелось бы, владел Артём информацией о фронтовой биографии своего деда, но и этого вполне хватало, чтобы убеждённо гордиться тем, чьей снисходительной заботой и теплотой было ласково согрето его детство.

Много приятных воспоминаний у Артёма было связано

с дедушкой и бабушкой, к которым он ездил регулярно и с большой охотой. Светлая благодать детства – время первых открытий и впечатлений, остающихся на всю жизнь... лёгкая беззаботность ощущения, будто весь необъяснимо-огромный, и в то же время понятно-простой мир принадлежит тебе... и всё-всё ещё впереди... Особенно приятно Артёму было вспоминать вольготно проведённое в деревне лето. Это время года всегда замечательно, но в детстве особенно – ведь позади остаётся обязательно-ответственный учебный период, и все три самых лучших месяца в твоём полном распоряжении. Длинные красочные дни, от начала и до конца, проведённые на природе с друзьями – соседскими мальчишками: то в плесканиях у берегов небольшого пруда, поблизости от деревни; то в бесконечных поездках на велосипедах куда-нибудь далеко-далеко, просто так без цели, ради самой поездки; то в лесных походах по грибы по ягоды; то в каких-либо ещё забавах. Но на селе лето не праздное время года – много в этот период дел и забот, приходилось помогать старшим. Но и это не в обузу. Без тягостного напряжения даётся молодому организму: и работа в огороде, и заготовка дров, и ранние подъёмы на покос, и сбор сена под палящем солнцем... Помнилось Артёму, как дед брал лошадь в совхозе, и они, нагрузив на широкую дощатую платформу телеги огромный ворох сена, медленно и плавно покачиваясь на ухабах грунтовой дороги, везли этот воз к дому, на хранение в сарай. Хорошо было, улёгшись на мягкой громадине сушё-

ной травы, глядеть с беспечной мечтательностью в бесконечную высь неба, по которой медленно плывут редкие облака... В детстве Артёму нравились такие поездки. И не только летом, но и зимой – на санях, когда по нетронутому холсту заснеженного поля, словно и не касаясь его, быстро-быстро мчатся, будто летят, низкие розвальни. Бодро повизгивают полозья, а из-под конских копыт выскакивают лёгкие комья умятого снега. На противоположной ярко-красному разливу заката стороне небосклона, в сгущающейся к горизонту синеве, бледным пятном проявляется нечёткий диск луны. Вечерние сумерки постепенно становятся вязкими, небо чернеет, и серебристо-серая снежная гладь начинает приобретать всё более и более тёмный тон. Мороз крепчает, усиливается ветер, становится холодней, и отрадно осознавать, что дома уже растоплена печь, и бабушка непременно хлопочет на кухне, чтобы порадовать внука чем-нибудь вкусненьким... может блинами, – пухленькими, румяными, лоснящимися от обилия масла, – которые так отменно получаются только у неё... Нравилось Артёму проводить время со своими стариками. Много счастливых воспоминаний детства было связано с ними...

Но всё когда-нибудь заканчивается, даже самое хорошее. Ушло в прошлое и детство Артёма, а вместе с ним частые поездки в деревню. В самом начале девяносто шестого года умерла бабушка, а через год – дед. Ушли из жизни тихо и спокойно, как и жили. Но было это для Артёма как-

то уж совсем неожиданно и потому так пронзительно горько. Навсегда останется в памяти Артёма стужа, пронизанного насквозь колким ветром, зимнего дня, когда хоронили дедушку: мелкие, противно бьющие по лицу, ледяные снежинки, сыплющиеся с глухо затянутого плотной пеленой неба, грубая бесформенность смёрзшихся комьев потревоженной земли; и безысходно мрачная пустота свежевырытой могилы, рядом с ещё не осевшим до конца холмиком бабушкиного захоронения.

И сложилось так, что совпала эта двойная утрата, с завершением в Артёмовой жизни, той самой лучшей поры, память о которой люди беззаветно хранят в своих сердцах, называя её нежным словом «детство». Будто ровным слоем благородной патины, лёгкой грустью и светлой печалью о невозможности вернуть прошлое навсегда отделились в сознании Артёма воспоминания о дедушке и бабушке...

Родители Артёма почти сразу, – видимо просили не дорого, – продали дом. А новые хозяева, разобрав ещё крепкий сруб на брёвна, увезли их куда-то в соседнюю область – вероятно для собственного строительства. Теперь Артём с родителями ездил в деревню раза два в год (не чаще), одним днём – туда и обратно. Приезжали исключительно для ухода за могилками: выкосить траву... подкрасить оградку... да и так просто, чтоб помянуть дедушку с бабушкой и убедиться, стоят ли на своих местах два одинаковых, в форме сужающихся к низу трапеций, памятника, над овалом цветной фо-

тографии одного из которых отливала зеркальным холодом нержавеющей металла пятиконечная звезда.

Среди тех немногих вещей, что забрали из деревенского дома, были: старенький, с сильно потёртой обложкой, фотоальбом, дедовы награды и документы к ним – об этих предметах Артём позаботился лично. Слегка подреставрированный, с расставленными по местам, – наверно в первый раз за всё время, – фотографиями, альбом лёг на хранение в большой шкаф. Ну, а уж наградами распорядился Артём сам, персонально. Документы к ним сложил в подобранную, как раз под размер, деревянную шкатулку. А для ордена и медалей создал что-то наподобие настенного стенда: купил нужного формата рамку со стеклом и смастерил вставляющийся в неё планшет из, обтянутого кумачовой тканью, листа оргалита. С креплением медалей сложностей не возникло, а вот с размещением ордена довелось повозиться и проявить некую долю изобретательности: выпуклость и толщина этой награды не позволяла плотно и равномерно прижать планшет к стеклу, да ещё выступающий с обратной стороны штифт мешал. Пришлось изготовить специальные вставки-брусочки, благо дело величина пазов в рамке позволяла, чтобы выглядело это красиво и эстетично. Предусмотрел Артём на стенде и место для фотокарточки деда, но не оригинальной, – вняв опасениям отца, утверждавшему, что та под воздействием солнечных лучей непременно выцветет, – а для копии. В то время Артём увлекался фотографией, потому сам и

переснял, и слегка подретушировал изображение, убрав дефекты. А по периметру фотоснимка, желая показать уровень достигнутого мастерства, добавил обрамление в виде георгиевской ленточки... В целом стенд получился очень колоритным и впечатляющим. И Артём, оставшись довольным этим, – один из первых выполненных своими руками, – изделием, под одобрительные взгляды родителей, повесил его у себя в комнате над письменным столом...

Шло время, вырослел Артём, и многое менялось в его жизни, но рамка с дедовыми наградами так и продолжала висеть на прежнем, сразу бросающемся в глаза, месте – как бесценное семейное достояние, возведённое в ранг реликвии.

В конце апреля 2007 года, по обыкновению уже нескольких лет подряд, небольшой, но давно устоявшейся компанией праздновали день рождения школьного друга Артёма – Матвея.

Прежде, смещая дату этого мероприятия на ближайшие выходные, отмечали всегда на природе. У юго-западной окраины города, где на конечной остановке, со скрипом огибая по петле рельсового пути обшарпанное строение диспетчерской будки, катил свои стальные колёса вагон трамвая, располагался дачный посёлок. Вдоль него, мимо высоких глухих заборов, над которыми громоздились разномастные мансарды коттеджей, тянулась плотно утрамбованная полоса грунтовой дороги. Метров через пятьсот дачи закан-

чивались, и грунтовка упиралась в широкую, завораживающую обилием белого цвета, берёзовую посадку, полого спускающуюся в низину к тихо журчащему ручью. Именно там, в березняке, чаще всего справляли Матвеево, – и не только его, – день рождения. Туда любили ходить и по другим праздникам... да бывало и просто без повода – с той манящей тягой к природе, с которой почти все горожане любят выбираться на пикник, чтобы получить то вдохновение от простора и спокойствия, которых не хватает в замкнутом мире суетливой повседневности города.

Но на сей раз так не вышло – не задалась в том году весна. Сопредельный с минувшей зимой, месяц март случился холодным и невзрачным... мало чем отличался и, сменивший его, апрель. Потому и пришлось отмечать день рождения на квартире у виновника торжества.

Праздновали, как обычно, весело и шумно – молодость есть молодость, её задор не стиснуть стенами комнаты. Всецело легко и комфортно проводить время в обществе закадычных друзей, знаком с которыми неопределимо давно... Правда в последнее время изредка стали появляться в их компании и новые люди. Всегда так, когда человек входит во взрослую жизнь, у него помимо давнишних друзей детства завязываются новые знакомства: и с сокурсниками по учёбе, и с коллегами по работе... растёт круг приятелей и товарищей.

Вот и в тот день среди гостей был, известный в компании

лишь только по рассказам Матвея, его сослуживец – Виктор. Слышали, что тот серьёзно увлекается изучением истории и является членом клуба военно-исторической реконструкции. Друзьям Матвея это, относительно новое и ещё мало-понятное, хобби своей незаурядностью казалось интересным и увлекательным. Потому за праздничным столом всё внимание и было уделено Виктору, сделав его в тот день «гвоздём программы». Много было расспросов и о самом клубе, и о его направлении, и о проводимых мероприятиях. Общительный и разносторонне развитый Виктор, отвечал на эти вопросы очень охотно, с азартным воодушевлением истинно влюблённого в своё хобби человека. Да и действительно было что рассказать, тем более в той компании, где и без того часты не только беседы, но и споры об истории.

В какой-то момент, – вроде как ненароком, но не без определённого намерения, – Артём упомянул о своём деде-ветеране и польщённый живым интересом Виктора предложил тому показать награды и документы, ведь для этого даже и ходить далеко не нужно было – Артёмову и Матвееву квартиры разделяло всего два этажа.

– Классно! – оценил Артёмов стенд Виктор и, словно в доказательство своих слов, провёл, слегка касаясь, рукой по рамке.

– Старался... – заскромничал Артём.

– Точно, точно! Впечатляющая экспозиция у тебя получилась, – заверил Виктор. – И награды красиво расставлены,

и фото к месту. Переснятое. Так? – И, получив от Артёма утвердительный кивок головой, начал внимательно всматриваться в снимок.

Через минуту, растянув губы в лёгкой улыбке, взглянул на Артёма и проговорил:

– Дед у тебя щёголем был... – И тут же, предугадывая вопрос «Почему?», пояснил: – Вот смотри. Фото послевоенное. Где-то в конце сорок пятого или начале сорок шестого года, думаю, сделано. Так? – Получив подтверждение своего предположения, продолжил: – Звание у твоего деда – младший сержант, а обмундирование у него офицерское... Заметь, на голове фуражка, а не пилотка – это раз. Во-вторых – пряжка на ремне со звездой. Это командирский ремень. Ну, и на гимнастёрку взгляни. Клапана от прорезных карманов видишь? Солдатам и сержантам гимнастёрки без карманов выдавались, а офицерам – с карманами... Вот и получается – как офицер одет... – Затем сделал небольшую паузу и подытожил: – В принципе это нормальное явление. Фронтовик... победитель – должен выглядеть соответственно. Правильно?

– Правильно! – улыбаясь, согласился Артём.

Виктор, снова повернувшись к стенду, указал на эмблему на погонах и произнёс:

– Инженерные войска... Сапёром был?

– Разведчиком... в штурмовой инженерно-сапёрной бригаде, – ответил Артём.

– Да-а... – многозначительно протянул Виктор, – были та-

кие формирования... Панцирная пехота... – Уловив в глазах Артёма явное выраженное любопытство, решил немного развить тему: – «Панцирная» это потому, что личный состав оснащался стальными нагрудниками для защиты от пуль и осколков. Это такие, две скреплённые вместе бронепанели... верхняя и нижняя. Что-то типа бронежилета... ближе к кирасе... А вообще это не просто сапёрные соединения, а именно – штурмовые, специально созданные, чтобы взламывать хорошо укреплённые узлы обороны противника. Их с весны сорок третьего создавать начали, когда наши масштабные наступательные операции проводить стали... Кстати отбор в них жёсткий был... старше сорока лет уже не брали... В бригадах этих, наряду с сапёрами, были и пулемётчики, и пэтээровцы, и огнемётчики... ну и, как твой дед, – разведчики. Естественно, и вооружались они должным образом... в основном ППШ... ножами – в обязательном порядке... и соответственно, как я уже говорил, ручными пулемётами, противотанковыми ружьями, ранцевыми огнемётами... В общем серьёзные, можно сказать элитные, подразделения были. Как-никак в Резерв Главного Командования входили.

Слушая Виктора, Артём испытывал такое радостное волнение и благодарность, будто речь шла не о его дедушке, а о нём самом. И хоть виду он старался не подавать, его эмоции легко можно было прочесть по выражению лица. Заметив это, Виктор участливо поинтересовался:

– А ты сам-то, что про деда знаешь? Где воевал? Может номер бригады... или за что награждён...

– Да, если честно, немного, – откровенно признался Артём. – Дед мало рассказывал... Знаю, что с сорок третьего года воевал... Белоруссию освобождал... затем Прибалтику... Кенигсберг брал...

– Точно, точно, – подхватил Виктор. – Вижу, что медаль «За взятие Кенигсберга» имеется. Вот и на фото она, рядом с медалью «За победу над Германией». Ленточки, кстати, у них на колодках схожие. На «Победе» чёрные полосы с оранжевыми сочетаются, а на «Кенигсберге» – с зелёными. Заметь, даже на чёрно-белом снимке отличить можно – одни чуть светлее, другие темнее...

Замолчал... и, словно ища что-то, стал придиричиво, – даже глаза прищурил, – изучать стенд, переводя взгляд с медалей на фото и обратно... Затем покачал головой... и, повернувшись к Артёму, заявил:

– Слушай, заметь странность какая. Судя по фото, медали твой дед ещё на службе получил. Так?.. А у тебя, я вижу, они послевоенного... военкоматского вручения. Я имею в виду, что выданы после того как фото было сделано. – Видя крайнее недоумение Артёма, разъяснил: – Вот, допустим, видишь какое ушко у медали «За отвагу»?.. Цельноштампованное, округлое... ну, отштампованное вместе с самой медалью. Понятно?.. Такие же ушки и у других... А такая разновидность медалей с сорок седьмого года выпускалась. До

этого формы ушек другие были. Вот, например, как на фото у твоего деда... если присмотреться видно, что ушки там паяные. Это когда сначала сама медаль изготавливалась, а затем к ней ушко припаивалось. Способ такой производства был... И вот ещё, на реверсе... ну, с обратной стороны... медали «За отвагу» номера нет? Так?

– Верно. Нет номера... – подтвердил Артём.

– Правильно! В этом диапазоне медали уже без номера шли, – констатировал Виктор. – А вот судя по фото медаль номерная должна быть... Вот так.

– Я на это и внимания не обращал... – не зная, что и ответить, пробормотал Артём.

– Такие нюансы лишь специалистам известны... – прокомментировал Виктор и, подумав, спросил: – Слушай, ты говорил у тебя и документы к наградам есть. Покажешь?.. Может что прояснится.

– Конечно, покажу. Сейчас, – с готовностью отреагировал Артём.

Он прекрасно знал, где находится шкатулка с этими документами, и буквально через несколько секунд, уже предоставил их Виктору.

– Вот... Смотри.

– Так... – сосредоточенно произнёс тот, беря в руки сложенные стопкой удостоверения.

Первым делом занялся, лежащей поверх других, книжечкой удостоверения к медали «За отвагу». Открыл её плот-

ную, обтянутую красным коленкором обложку, и, пропуская без внимания пустующий на первом развороте прямоугольник, предназначенный для размещения фотокарточки награждённого, задержал взгляд на странице с указанием фамилии, имени, отчества. Ставя акцент на их сочетании, зачитал с наигранной торжественностью:

– Иван Васильевич...

Артём, угадав смысл, отшутился:

– Да. Знаменитое в истории имя... И звучит грозно...

– Точно, точно... – коротко улыбнулся Виктор. – Кстати, то, что фото нет – это нормальное явление. Обычно у всех такой же, как и здесь, штемпель стоит – «Действительно без фотокарточки»... Ну, и подпись свою владельцы редко ставили...

Затем перевернул лист документа и, открыв его пошире, так, чтобы им обоим было видно второй разворот, на котором с правой стороны, в самой верхней из шести пунктирных строк, стоял штамп «Медаль «За отвагу», резюмировал:

– Номера нет... – Поведя пальцем вниз по странице, мимо факсимильной печати и подписи секретаря Президиума Верховного Совета СССР, остановил его под глубоко отпечатанным серийным номером удостоверения, где располагалась незаполненная строчка, и заметил: – А вот здесь должна стоять дата выдачи... Обыкновенно указывалась... но и такое встречается... – После, перелистнув одним разом все оставшиеся листы, на которых были приведены тексты из-

влечений из положений о медалях, обратил внимание Артёма на последнюю страницу с типографским оттиском «Гознак. Москва. 1957.»: – Видишь...

Артём смущённо помалкивал, а Виктор, отложив в сторону просмотренный документ, взялся перебирать другие. Быстро, – едва лишь развернув и сразу закрыв, – ознакомился с, изобилующей золотистым тиснением на бордовой обложке, книжкой к ордену «Отечественной войны». А вот оставшиеся, однотипные бумажные удостоверения к медалям, разглядывал дольше.

– С орденом и так понятно было, – завершив осмотр, сказал Виктор. – Его в восемьдесят пятом на сорокалетнюю годовщину Победы вручили. Тогда всех ветеранов, кто дожил, награждали... Боевые ордена «Отечественной войны», если знаешь, от этих сразу отличить можно... у них конструкция сложнее. Ну, да это долго объяснять... А вот удостоверения к «Победе» и «Кенигсбергу», сам видишь, почему-то в конце шестидесятых выданы... К «юбилейкам» вопросов нет, а эти должны у твоего деда более ранние быть.

– А разве не могло получиться так, что эти удостоверения он взамен прежних получил? – задал вопрос Артём.

– Вообще на фронте действительно поначалу к наградам временные удостоверения выдавались... тонюсенькие такие бумажные бланки. Их после войны на постоянные меняли... ну, вот такие, как у твоего деда к медали «За отвагу». Но здесь не тот случай. Награда всё-таки, заметь, оставалась, а

номер её в новое удостоверение записывался. А у таких, как «За Кенигсберг» и «За Победу» изначально один и тот же вариант документа был... Вот и получается, если основываться на фото, то «Отвага» должна быть с номером – и на самой медали, и в удостоверении... а «Кенигсберг» с «Победой» вручёнными гораздо ранее, чем есть по факту... – объяснил Виктор. И неопределённо предположил: – Может награды утеряны были, а потом взамен эти выдали. Так могло быть?

Артём лишь пожал плечами: если б такое действительно когда-то случилось – он бы знал... Повисла пауза...

– Пойдём лучше за стол вернёмся, а то у Матвея нас уже наверно заждались, – стараясь сгладить неловкость, позвал Виктор и, сделав короткий шажок к двери, поманил за собой лёгким взмахом руки собеседника.

На лестничной площадке Артём задержал его:

– Подожди... Ну, а если в архивах поискать. Там какая-то информация есть?

– Конечно, есть... – ответил Виктор. – Только, заметь, для этого нужно в архив, который в Подольске, обращаться... Ну, а там как повезёт. Если честно не думаю, что на свой запрос ты ответа дождёшься. Уж поверь мне... – И хотел уже дальше продолжить путь, но проникшись обеспокоенностью Артёма, по-приятельски предложил помочь: – Слушай, мне тут знакомые говорили, что можно из архива копию учётной карточки получить. Это документ такой. В нём кроме анкет-

ных данных награждённого перечислены ещё все вручённые ему ордена и медали, с указанием номера, а также указа... ну, или приказа о награждении. Тебе бы такую «учётку» на своего деда достать – может, что и прояснилось бы... Если хочешь я у знакомых спрошу адрес электронной почты того с кем по этому поводу можно связаться... может и найдёт какую-то информацию... – Получив от Артёма, более чем утвердительный, кивок согласия, поставил на этой теме точку: – Записывай мой номер сотового, думаю, вопрос твой решим...

И действительно решил. После короткой переписки по электронной почте и недельного ожидания Артём получил копию учётной карточки своего деда.

С нетерпеливым волнением, – даже непонятно отчего так сильно охватившим его, – открывал Артём пришедшее сообщение с двумя прикреплёнными файлами, представляющими собой изображения отсканированного с обеих сторон бланка учётной карточки. На первой странице содержалась уже и без того известная Артёму информация: фамилия, имя и отчество деда... его воинское звание... год рождения... национальность... и прочие анкетные данные. Лишь только из раздела «место службы» ему удалось почерпнуть что-то новое – там был указан номер бригады, в которой служил дед. Самым же интересным, и в тоже время непредсказуемым, оказался второй файл, отображающий обратную сторону карточки. Там размещалась таблица, в графах которой

были перечислены полученные награды с указанием номеров: и их самих, и документов к ним, и приказов по которым они были вручены...

Да, – прав был Виктор, – «Отвага» указывалась с номером. В тупик поставило и то, что номера удостоверений к медалям обозначенных в учётной карточке и тех, что хранившихся сейчас у Артёма не совпадали... Но и это было не главное.

Главное, и так сильно потрясшее его, заключалось в том, что в самом низу, перекрывая собой печать войсковой части и роспись её начальника штаба, свидетельствующих о правильности внесённых данных, синел вытянутый массивный прямоугольник штампа «ЛИШЁН», в котором корявыми цифрами была вписана дата указа... Такого положения дел Артём уж точно никак не ожидал.

В абсолютном замешательстве он по несколько раз закрывал... открывал... снова закрывал... и вновь открывал... полученные файлы, будто это могло, что-то изменить. Внимательно всматривался и подробно перечитывал их, обращая внимание на мелочи. Нет... всё точно: и учётная карточка его деда (данные все совпадают)... и штамп, – как приговор, – всё так же на том же месте...

Лишён... Почему?.. За что?.. Сколько не ломал себе голову Артём, всецело поглощённый этой загадкой, так и не смог найти ответа. И придя к, наверно, единственному возможному варианту – узнать у родителей (больше-то не у кого), вече-

ром, когда за столом собралась вся их немногочисленная семья, напрямую, без лишних предисловий, спросил:

– Мам, а отец твой... дедушка Ваня... за что был награжден лишён?

– А ты откуда знаешь? – потупилась, обескураженная подобным вопросом, мать.

– Знаю... В наше время цифровых технологий и интернета многое можно узнать.

Мать растерянно безмолвствовала...

– В тюрьме он сидел, – коротко ответил за неё отец.

– Как это сидел?.. За что?.. Я почему ничего не знаю?! – возмутился Артём.

Отец, тяжело вздохнув, промолчал. И мать, видимо поняв, что раз уж родство по её линии то и объяснять ей, сообщила:

– Сидел он за то, что полицаем был... в войну... – И, словно извиняясь, улыбнулась глупо и растерянно.

– Полицаем?! Да не может быть! – не веря своим ушам, запротестовал Артём: – Он же воевал... Штурмовая инженерно-сапёрная бригада... Это же особый род войск... Не просто так... – Запнулся и, не находя от негодования подходящих слов, уставился на отца.

Тот выдержал паузу и неторопливо, с тем уверенным спокойствием, которое было всегда ему свойственно, начал рассказывать, расставляя всё по своим местам:

– Мать тебе всё верно говорит. Дед твой, как война нача-

лась в армию не попал, возрастом не подходил... молод ещё был. А в октябре сорок первого в его деревне немцы уж были... Два года оккупация длилась... Я уж не знаю как и почему он в полиции оказался, но то, что служил там – это точно. Об этом он сам как-то мне за «рюмкой чая» обмолвился. И в деревне люди, те что постарше, тоже знали... Но на отношение их к нему это не влияло. Сам знаешь, ни кто про него в деревне плохого не говорил. Верно?.. Значит и зла никто на него не держал. А раз так, выходит и он ничего плохого ни кому не сделал... Ну, а уж как деревню наши в сорок третьем освободили – так его сразу в армию и призвали... Может и не разобрались второпях, что он в полиции у немцев служил... односельчане-то об этом помалкивали, не выдавали. Может и не до этого было – люди на фронте нужны были... В общем так и воевал... А как после демобилизации домой вернулся, вероятно архивы какие-то всплыли, может ещё что... не знаю. Только где-то, видимо где нужно, стало известно о его прошлом... Ну, и конечно – срок дали... Потом амнистия была... выпустили... Вот вроде и всё.

Артём сидел как пришибленный и мрачнел всё больше и больше. В том, что отец говорит правду, он ни минуты не сомневался. Тот, если утверждал что-то – значит, был в этом уверен на все сто процентов, а уж если сомневался – то вообще не высказывался. Но, даже понимая это, Артём отказывался сейчас принимать услышанное.

– А почему я не знал?.. Почему не рассказывали мне?..

– А что тут рассказывать... – тихо вздохнула мать.

– Верно, – поддержал отец. – Хвастаться тут нечем... Да к тому же, деда ты любил очень... он тебя тоже... А что было – то прошло. Человек он всё-таки хороший был – я думаю это главное...

Артём молчал... Не укладывалось в голове то, что он сейчас узнал. Как же так, его дед, которого он всецело любил и уважал, кем так самозабвенно гордился – и вдруг... полицай. Нет, разум отказывался верить, стараясь найти хоть какое-то альтернативное объяснение, дающее шанс иначе истолковать это обстоятельство. Но всевозможные домыслы и измышления, которыми терзал себя Артём, не могли дать даже и намёка на изменение ситуации. Да, и как такое можно было переиначить, чтобы воспринимать по-другому.

Так, в безысходно тягостном смятении чувств, провёл Артём остаток вечера, и ночь, в которую он никак не мог заснуть... Воображение рисовало отвратительные фантазмагорические картины. То и дело вставал перед глазами шаблонно однотипный образ приспешника оккупантов. Самодовольное, наглое лицо предателя, ряженного в неопределённого вида форму, нарочито выделяющуюся светлыми обшлагами и воротником... с обязательной, чернённой чужими готическими буквами, белой повязкой на левом рукаве... и висящей за спиной винтовкой... Но не мог Артём, – даже на короткий миг, – представить таким своего деда... Нет, не мог... Уж больно много доброго и светлого осталось от него

в душе Артёма. И это уж было ничем не искоренить.

А вот омрачить, как оказалось, можно... Вскрывшийся теперь факт, будто грязевой поток, вторгшийся в пределы чистого ручья, замутил его воду, лишив первоначальной искренности. Сколько ни пытался Артём сгладить восприятие узнанного о прошлом своего деда (ведь тот воевал... был награждён... ранен...), всё равно подлой змеёй жало при воспоминаниях о нём осознание того, что он когда-то служил у немцев.

Долго, мешая привычному ходу жизни, довлекло это над Артёмом. Не по себе было от того, что некогда ровная и безупречная часть, выстроенной им самим, системы личных ценностей, будто вывернулась наизнанку, приняв вид чего-то противоестественного и отталкивающего... И лишь по прошествии времени, присущая каждому человеку особенность, абстрагируясь от плохого, хранить в памяти лишь хорошее, помогла давней любви к деду смазать образовавшуюся муть негатива, оставив лишь неприятный осадок. Но упоминать о своём деде-фронтовике в разговорах с друзьями и знакомыми, как это было раньше, Артём перестал. Неуместной теперь казалась прежняя, порой граничащая с бахвальством, горделивость. И стенд с наградами, когда-то собственноручно сделанный им, перекочевал при очередном ремонте квартиры со стены в дальний ящик шкафа... да так и остался лежать там позабытым молчаливым предметом...

Через несколько лет случилось так, что умер один из дальних родственников в деревне. Сказать по совести, Артём его совсем не помнил, и вряд ли бы поехал на похороны вместе с родителями если не то обстоятельство, что ни в прошлом, ни в этом году, в силу ряда причин, на могилках дедушки и бабушки ему побывать не удалось. А тут такое дело... можно и съездить.

Было это поздней осенью. В то унылое и печальное время года, когда природа, утратив свою привлекательность, тихо и покорно замирает в ожидании зимнего преображения. Чернеют в белёсой поволоке тумана неказистые силуэты обнажившихся деревьев. Их некогда пышное золотисто-желтое убранство осыпалось, превратившись в грязно-серый, шуршащий под ногами, ковёр, покрывший прихваченную первым морозцем землю. Бледный свет, невидимого за плотной пеленой облаков солнца, белит тонким слоем округу, уже не в силах отогреть холодный воздух. Дни коротки и однообразно серы...

По завершению погребения, когда все собравшиеся отправились в деревню на поминки, Артём с отцом и матерью задержались на кладбище у могилки дедушки и бабушки. Не только для того, чтобы привести в порядок участок (он и без того был ухожен), а просто... постоять в том месте, где представляется недостижимая возможность навестить тех, кто был дорог, но увидеть кого уже невозможно...

Мать с отцом тихо переговаривались, прикидывая как в

следующем году лучше облагородить место захоронения. Работы эти планировались уже не первый год – пора и осуществить задуманное. Собирались заменить оградку и устроить какое-нибудь покрытие на участке. Мать настаивала ещё и на замене памятников, поскольку теперь совсем другие ставят – из камня. А вот отцу эта идея была не по душе: чем, мол, плохи прежние (он их сам с друзьями на заводе делал), из нержавеющей стали, и сто лет ещё простоят. Артём же учтиво помалкивал, зная, что мать всё равно своего добьётся... Так постояв ещё немного, и не придя к общему согласию, но твёрдо решив, что в следующем году обязательно этими делами займутся, отправились на поминки – неудобно как-никак задерживаться...

После холода улицы в доме кажется жарко и душно. Пристроив как-нибудь свои куртки на загромождённую множеством одежд вешалку, Артём и его родители вошли в большую комнату, через всю длину которой вытянулся ряд составленных вместе столов, покрытых одной большой скатертью. Расселись на указанные места. Артёму довелось сидеть рядом со старенькой бабушкой – двоюродной сестрой его деда. Ещё на кладбище пришла ему в голову мысль: расспросить, если получится, кого-нибудь из стариков о своём дедушке – местные всё-таки... должны знать. Случай сам собой представился. И решившись, Артём подобрал момент, когда речь зашла о его родне, повернулся к той старушке и спросил:

– А я вот слышал, дед мой во время оккупации в полициях служил. Правда?

Вот так напрямую и спросил... Когда готовился к тому, как задать этот вопрос всё думал с чего бы начать... прикидывал, как правильной вести разговор (тема-то щекотливая). А вышло всё просто – взял и спросил.

– Взаправду так, Артём... – без особых эмоций, делая большие паузы между словами, ответила она. – Служил... Было такое...

– Получается и у немцев служил, и воевал против них потом, – вставил в одну из таких пауз Артём, стараясь донести суть своего вопроса.

За столом в это время уже велось несколько ни как не связанных между собой бесед. На одном конце воспоминали общих знакомых, на другом говорили о работе и ещё о чём-то. Некоторые гости вообще вышли из-за стола: кто перекурить, а кто и просто постоять. Так, что Артёмовы расспросы кроме его собеседницы и, сидящих рядом, родителей никто не слышал – можно было и не стесняться.

– Воевал... конечно воевал. И с фронту пришёл с медалями... Давненько это было... давненько...

– Ну, вот о дедушке моём, пожалуйста, и расскажите... Помните-то что-нибудь?

– О Ваньке-то... Ну, помню конечно... Много чего помню... Всё ж таки братец-то он мой двоюродный... Как же не помнить-то... Помню.... Путёвый мужик он был.... Са-

мостоятельный...

– Вы про войну расскажите... про то, что в полиции он у немцев служил, – помог Артёму отец.

– Ну-у, тогда-то я ещё маленькой была... – склонив голову набок, начала вязать свой рассказ дедова сестра. – А вот Ванька-то постарше был. Тоже ещё юнец совсем, но постарше... Да... Так вот сразу у армию-то его не взяли... молод ещё был... Ну, а потом уж немцы пришли... – Помолчала какое-то время, верно отыскивая что-то в лабиринтах своей памяти, и продолжила: – Да... и у полицаях он был... Пришлось таки... Это его староста упросил – так-то люди сказывали... До него было тут двое каких-то... Так те ух лютовали... Да подевались они опосля куда-то... Я уж не помню... Может и на тот свет... туда им самая и дорога была... а может и ещё куда-то... Вот и предложил староста-то ему – иди-ка Вань у полицаи... ты парень смирный... пакости творить не будешь... Ну, так и мать евонная тоже – иди... иди. Они-то без отца жили... хозяйство слабенькое... а там всё ж таки платили что-то... да и продукты давали вроде... Ну, значит-ся вот и пошёл... Но в обиде на него никто не был. Взаправду говорю не был... Не за што было обижаться-то на него. Он хоть парнишка крепкий да сильный был... но добрый... обходительный... так скажу... Вот и потом, когда наши-то пришли, никто доносить на него не стал, дескать у немцев-то служил. Все у нас про то знали, да помалкивали... Вот же ещё что, – спохватилась, вспомнив упущенный момент, и за-

говорила чуть-чуть побыстрее. – Он, Ванька-то, уж как бы так сказать... спас нас получается. Немцы-то как отступали, так начали у Германию людей угонять... Так Ванька и сказал нашим-то – нужно, мол, прятаться. Мы кой-што собрали... что там собирать-то было... пожитков почитай и не было, а скотину немец и до этого почти усю увёл. Ну и у лога подались. Ванька тоже с нами... Вот у логах-то значитя и прятались... Это я хорошо помню... Несколько дней прятались... Ну опосля и наши пришли. Возвернулись мы у деревню, а деревни-то и нет. Одни головешки. Спалили её немцы-изверги. Ни единого дома не осталось... Мы тогда землянки рыть-то себе и начали... Вот она какая жизнь-то была...

– Ну, а дедушка мой? Он что? – не давая отойти от темы, вопрошал Артём.

– Ванька-то?.. На фронт ушёл... люди-то о его полицействе помалкивали... Год его как раз подходил. Вот и забрали... А уж опосля войны, как возвернулся, тут-то про то, что у полицаях он был, власти как-то и прознали. Уж и не знаю я как, но прознали. У тюрьму посадили. Закон таков был... Но не долго сидел-то он... лет с пяток наверное... и выпустили. Может простили... а может и срок вышел... уж не знаю-то я. Ну, а у деревне у нас ни кто ему про то, что было и не поминал... Он к людям по хорошему... и они к нему также... На кузне у нас в совхозе он работал. Да ты и сам-то поди знаешь... Всё мальцом к нему туда бегал, помню... А уж как они с бабушкой любили-то тебя крепко... А?..

Дедова сестра ещё рассказывала что-то: и про деревню... и про односельчан... и про свою жизнь. Но Артём, если честно, слушал её уже в пол уха, все его мысли были теперь поглощены сложностью определения справедливой оценки дедушкиного прошлого. Из всего услышанного (и теперь, и ранее) можно было сделать вывод, что вина его деда заключается лишь только в самом факте службы у немцев в полиции, а не в каких-то преступных действиях. Да к тому же, получилось так, что служба эта даже оказала определённую услугу его землякам. Нельзя забывать и последующее его участие в войне, и полученные на фронте ранения, и награды заслуженные в боях... Нет... действительно всё не так однозначно в судьбе его деда, – осознал Артём, размышляя весь вечер: и пока был в деревне, и по дороге назад, и дома.

И, чтобы до конца переосмыслить своё отношение к этому эпизоду жизни своего деда, посчитал необходимым разузнать ещё что-нибудь... а возможно и услышать мнение человека разбирающегося в этом вопросе, но желательно постороннего, суждения которого будут непредвзяты. Среди Артёмовых друзей и товарищей таким человеком был Виктор. Значит, и обращаться надо к нему – так решил Артём. И решившись, не стал дожидаться случайной встречи, а позвонил и договорился с Виктором встретиться в ближайшие выходные...

– Интересная биография у твоего деда, – выслушав Артёма и ознакомившись с распечатанной на листе копией учё-

ной карточки, изрёк Виктор. – Но не эксклюзивная... Такие случаи бывали. Точно, точно... Война, как говорится, действительно «Великая» была. Народу много в ней участвовало... Медалью «За победу над Германией» примерно пятнадцать миллионов было награждено. Почти столько же, даже немного больше, медалей «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» вручено... это для тружеников тыла. А еще погибшие... сколько их теперь по официальной статистике... более двадцати шести миллионов. Так?.. Да, что говорить – вся страна участие принимала. Ну, а судьбы у всех разные были... Во вспомогательную полицию, так это правильно называлось, вступали в основном те кого действительно можно называть предателем Родины. Но были и особые случаи... Бывало так, что и специально шли, чтобы партизанам сведения передавать... Ну, а кто и по молодости... по глупости... Каждый случай, как и любой человек, индивидуален...

– Ну, а потом, за службу эту, сажали? – уточнил Артём.

– Конечно!.. – убедительно заверил Виктор. – Сроки, правда, разные давали... в зависимости от вины... Твой дед, раз ни к каким карательным операциям не причастен, то и срок минимальный должен был получить. Ты же говоришь лет пять всего сидел. Значит точно ни в чём подобном не замешан.

– И наград за это лишали?

– Конечно!.. – снова подтвердил Виктор. – Между про-

чим, среди бывших полицаев были и Герои Советского Союза. – Выждав паузу, чтобы оценить степень удивления Артёма, уточнил: – Вот так же, как твой дед, эти в период оккупации у немцев на службе состояли, а когда наши пришли их в Красную Армию призвали. Вот и воевали... Геройски воевали, получается, раз уж им такое высокое звание присвоили... А уж после войны, когда органами госбезопасности работа по выяснению пособников проводилась, тут их и вычислили... Ну, и – в тюрьму... Званий «Героев» соответственно лишали... и других наград тоже. Вот так... Тут интересен тот момент, что медали у твоего деда, хоть и не изначально вручённые, но всё же есть. Возможно восстановили... но это сложный процесс... Или может их ему за ранение выдали... После войны по указам «за ранения» награждались те кто ранен был, но наград не имел... Тут уж я точно не знаю... Да и какая в принципе разница. Тут сам факт награждения важен. Так?..

– А вот узнать что-нибудь о награждении... можно? – поинтересовался Артём.

– Кое-что можно... – интригуяюще улыбаясь, обнадёжил Виктор. – Ты, наверное, не в курсе, а уже почти два года существует сайт «Подвиг народа»... Информационный ресурс представленный Центральным архивом Министерства Обороны. Там много документов о Великой Отечественной выставлено. И наградные листы есть. Это такие документы, которые оформляются при представлении к награде. В них, не

только данные кавалера указаны, но и конкретное изложение его подвига. Вот это и интересно... У твоего деда, согласно «учётке», медаль «За отвагу» сорок пятого года вручения была. Вот на неё наградной лист и должен там иметься...

– Как, ты говоришь, сайт называется? – несказанно обрадованный представившейся возможностью получить такого рода информацию, ухватился Артём.

– «Подвиг народа». Название не сложно запомнить. Там «наградных» уже много выложено... Работа, можно сказать, колоссальная проделана...

– И как там искать?

– Всё просто... И сайт сам найти не сложно – достаточно вбить название в поисковик... и пользоваться им легко. На главной странице в разделе «Люди и награждения» есть поисковая строка. Введёшь туда данные... ну, фамилию, имя, отчество, дату рождения своего деда – и готово. Но, заметь, возможно появится несколько вариантов... бывают же люди с похожими данными. Из них и выберешь нужный... И ещё учти, когда документы эти оцифровывали данные с самих наградных листов брали... ну, а писари, которые их заполняли могли и ошибки допустить. Так, что ты если сразу не найдёшь, то «поиграй» отчеством деда... годом его рождения – там чаще всего неточности и бывают допущены. А как отыщешь – кликнешь и, что-то типа, анкеты откроется. На той странице и наградной лист найдёшь... Понятно?..

– Да!.. Спасибо!.. Понятно... – кивал головой Артём, слегка растроганный: и простотой решения своего вопроса... и тем, что предстояло узнать... и адекватным пониманием его проблемы, которое проявил Виктор...

Придя домой, и едва лишь разувшись да скинув куртку, Артём сразу, – никак не терпелось, – уселся за компьютер... Нужный ему сайт найти оказалось, действительно, очень просто – поисковая система услужливо выдала его на первой же странице. Интерфейс ресурса тоже был вполне понятен. И Артём, довольно быстро, отыскав среди нескольких однофамильцев своего деда, открыл ссылку на его наградной лист.... Высокая детализация изображения весьма живо передавала не только песочно-жёлтый оттенок и грубую фактуру листа бумаги, но и серьёзный характер самого документа. Особенно того раздела, где строгими рядами строк, заполняя всё отведённое ему место, выстроился, напечатанный на пишущей машинке, текст с описанием подвига, за который Артёмов дед был удостоен медали «За отвагу». Убедительно твёрдо, с чёткостью военной терминологии, указывалось, что тот: «Во время прорыва внешнего обвода и штурма города-крепости Кенигсберг действуя в составе группы разведки переднего края обороны противника обнаружил 2 минных поля. При устройстве проходов в них под интенсивным обстрелом лично снял 24 противотанковых и 32 противопехотных мины, чем обеспечил быстрое продвижение наших частей вперёд. В последующих боях на окраи-

не города, когда путь наступающим преградил сильный пулемётный огонь, презирая опасность вплотную подобрался к вражескому пулемёту и метко брошенной гранатой уничтожил его расчёт, дав возможность выполнить боевую задачу с наименьшими потерями. Когда при переходе противника в контратаку был убит командир отделения то приняв на себя командование организовал стойкую оборону. И несмотря на то, что сам был ранен не ушёл с поля боя, а продолжал сражаться мужественно и решительно, пока все контратаки не были отбиты...»

– Геройский подвиг, – выразил своё мнение отец, которого подозвал Артём, впечатлённый от того, что теперь узнал.

– Да, это верно. Вот только... – сам не зная к чему, начал было Артём и тут же осёкся, недоговорив.

– Что «только»?.. – поняв ход мыслей сына, с лёгкой укоризной спросил отец. И, словно подобрав нужную формулу для решения непростой задачи, дал ответ: – Ты лишнего не надумывай. Он «ошибки молодости» вполне искупил. Всё по закону... И если на то пошло – не имелось потом к нему претензий... ни у государства... ни у людей. Верно?.. А кому ж ещё его судить?.. Точно не нам...

А действительно, пожалуй, прав отец – сделал вывод Артём. Существует ли в жизни вообще, что-то абсолютно идеальное? Вряд ли. Но, что бы там ни было в прошлом, всегда важен конечный результат... а уж он получился определённо положительным... И словно в доказательство этому, вспом-

нилось Артёму виденное у деда на кузнице: когда, изначально никудышный, железный предмет, раскалённый в горне до белого свечения, под умелыми ударами молота, сбрасывая с себя шелуху окалины, превращается в нужное и полезное изделие...

В мире многих и многих людей, порой очень сложно, через занавес стереотипов и предвзятости, понять исключительную уникальность каждого. Тут всегда лишь индивидуальный подход справедливо верен, ибо невозможно подогнать всё и всех под единый стандарт, каким бы правильным и выверенным он не был...

В следующем году при переезде на свою, недавно купленную квартиру, Артём, помимо прочего, забрал ещё и стенд с дедовыми наградами. Не просто так забрал, а в знак признательности и уважения повесил на видное место. И, когда по весне были заменены надгробия на могилках у родителей матери, то на новом памятнике у деда, – с тем же достоинством, как и прежде, – отчётливо выделялась на чёрном фоне полированного гранита выгравированная пятиконечная звезда – отличительный символ всех ветеранов.